

Олександр Матвієвич Лазаревський.
1861 р. травень у Києві.

Олександр Лазаревський.

Свѣдѣнія о старѣйшихъ членахъ рода Лазаревскихъ ¹⁾).

Въ спискѣ Конотопскихъ козаковъ 1711 г. значатся въ числѣ другихъ: Василій и Юско Лазаренки, принадлежавшіе къ Дрижчовскому куреню ²⁾, а по ревизской книгѣ 1736 г. въ числѣ конотопскихъ козаковъ видимъ тѣхъ же Василя и Осипа Лазаренковъ, изъ которыхъ первый въ это время былъ уже сотеннымъ хорунжимъ, а второй оставался рядовымъ козакомъ. Кромѣ этихъ двухъ Лазаренковъ, по ревизіи 1736 г. въ Конотопѣ, значится еще мѣщанинъ Левко (Леонтій) Лазаренко. Послѣдній показанъ въ числѣ мѣщанъ „нищетныхъ и весьма убогихъ, въ еднихъ хатахъ при огородахъ жіючих“. Вѣроятно, что всѣ эти три Лазаренка были родичи между собою, при чемъ могло быть такъ, что отцы первыхъ двухъ, Василя и Осипа, какъ болѣе богатые, переписались изъ мѣщанъ въ казаки, а Левко, какъ сынъ бѣдняка, остался въ мѣщанствѣ. Изъ сыновей Левка извѣстенъ лишь одинъ Степанъ, который въ купчихъ 1761—1773 гг. значится уже не мѣщаниномъ, а козакомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ документовъ. 1761 г., 10 марта. Конотопскіе казаки Василій Роговой и сынъ его Степанъ Роговенко продали жителю конотопскому Степану Лазаренку поле: 1) полтора дня, неподалеку Вовковнѣ, на тракту Поповскомъ и 2) полтора дня, на тракту Сошовскомъ, за Валкомъ, за цѣну 15 рублей.—1766 г., 8 августа. Козакъ и житель конотопскій Корнѣй Игнатенко продалъ козаку конотопскому Стефану Лазаренку поле три дня, на Загребельѣ за цѣну 8 рублей, — 1773 г. 25 апрѣля. Войсковою товарищъ Филиппъ Ивановъ сынъ Прыймаковъ продалъ „во вѣчное владѣніе жительствовавшему въ г. Конотопѣ товарищу сотнѣ Конотопской Стефану Леонтіеву сыну Лазаревскому, поле пахотное въ дачахъ конотопскихъ лежащее, на 25 дней (слѣдуетъ перечень нивъ), за цѣну всякой день по 10 рублей, всего за 250 р.“ — Кромѣ этихъ трехъ документовъ, сохранилась еще и закладная 1779 г., 10 октября, по которой козакъ Климъ и жена его Ирина Перелазные „заставили“ козаку г. Конотопа Стефану Лазаренку пахатное поле, дней на шесть, за цѣну 50 рублей, на 8 засѣвовъ, четырьмя ржанымъ, а четырьмя ярыннымъ хлѣбомъ, итого, и за выходомъ оныхъ до передбудущаго 1788 году, т. е. черезъ 12 годъ...“ Изъ этихъ документовъ видно,

¹⁾ Було надруковано в брошурі „Pro domo sua“. Кієвъ. 1893, що в продаж не поступала. *Прим. ред.*

²⁾ Дрижчовкой и теперь называется часть г. Конотопа около „мѣской гребли“ въ приходѣ Вознесенской (прежде — Сорокосвятой) церкви.

что Стефанъ Лазаренко нашель нужнымъ въ прозвищѣ своемъ окончаніе енко измѣнить на евскій; эта послѣдняя форма прозвищъ, по понятіямъ 2-ой половины XVIII в., должна была указывать, что носившіе ихъ лица — не мужики, а что-то такое большее, примыкающее уже къ панамъ или по крайней мѣрѣ къ панкамъ... Изъ духовнаго завѣщанія Степана Лазаренка видно, что по ремеслу онъ былъ кушнирь. Кушніры промысель свой, какъ теперь, такъ и прежде, вели такъ: скупали у рѣзниковъ овечьи кожи, выдѣлывали изъ нихъ смушки, изъ которыхъ затѣмъ шили крестьянскія (мужскія и женскія) шубы и распродалаи ихъ по ярмаркамъ. Занимаясь этимъ промысломъ Лазаренко какъ видно на столько разбогатѣлъ, что могъ дѣлать весьма значительныя, для своей среды земельныя покупки, издерживая по 250 руб. въ разъ какъ видно изъ купчей, по которой онъ купилъ землю у Пріймакова.

Изъ шести сыновей Степана грамотны были трое: Романъ, Илья и Василій; Романъ впрочемъ былъ малограмотенъ, судя по его писанію. Хорошо былъ грамотенъ Илья, который кромѣ того отличался особой энергіей, постоянно толкавшю его на поиски за улучшеніемъ матеріальнаго своего положенія.

Въ 1782 г. открыты были въ Малороссіи намѣстничества, а въ 1783 г. была издана дворянская грамота, на основаніи которой уѣздный предводитель дворянства долженъ былъ „сочинить по формѣ списокъ всѣмъ дворянскимъ родамъ, въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющимъ“. Такіе списки должны были быть составлены и въ Малороссіи, такъ какъ съ открытіемъ намѣстничествъ здѣсь явились и тѣ уѣздные предводители, на обязанности коихъ законъ возлагалъ составленіе родословныхъ книгъ. Первымъ предводителемъ Конотопскаго уѣзда былъ избранъ сынъ бывшаго Хмѣловскаго сотника Петръ Афанасьевичъ Шкляревичъ. При немъ и былъ составленъ въ апрѣлѣ 1783 г. первый списокъ „Конотопскаго дворянства“, въ который вошли кромѣ лицъ, имѣвшихъ русскіе военные и гражданскіе чины, и всѣ жившіе въ уѣздѣ бунчуковые, войсковые и значковые товарищи, считавшіе за собою право на внесеніе въ дворянскіе списки въ силу этихъ чиновъ.

Дворяне не имѣвшіе ни чиновъ, ни патентовъ на отцовскіе чины, а слѣдовательно не имѣвшіе доказательствъ своего дворянства, имѣли право представить свидѣтельство двѣнадцати дворянъ о своемъ „несомнѣнномъ дворянскомъ происхожденіи“. Такія свидѣтельства добывались легко, а слѣдовательно и легко было попадать въ дворянскіе списки. Эта легкость записки въ дворянство съ одной стороны, а съ другой стороны — нѣкоторый недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, а главное то обстоятельство, что Лазаренки въ это время успѣли уже записать за собою по ревизіи нѣсколько душъ своихъ подсосѣдковъ въ видѣ „подданныхъ“, должно быть соблазнили и семью Степана Лазаревскаго къ попыткѣ стать въ ряды дворянства... При этомъ соблазнъ навѣянъ былъ вѣроятно Ильей, какъ членомъ семьи по своей грамотности лучше другихъ разумѣвшихъ формальную сторону дѣла.

Въ 1786 г. былъ составленъ и представленъ Конотопскому предводителю „списокъ о дворянствѣ“ Степана Лазаренка, въ которомъ показано его семейное и имущественное положеніе, причѣмъ общественное положеніе выражено такъ: „имѣютъ чины — Степанъ Лазаревскій и сыны его Тимофей, Андрей и Романъ — сотенные товарищи (т. е. рядовые козаки), Илья — значковый товарищъ, а Василій — губернской канцеляристъ“, съ добавленіемъ что Стефанъ и сыны его — не въ службѣ а въ отставкѣ, а Илья и Василій — въ службѣ при дѣлахъ въ Конотопскомъ уѣздномъ казначействѣ. Объ имуществѣ сказано: „людей по послѣдней ревизіи состоитъ муж. пола у самого Стефана — двѣ, а у сына Тимофея и Андрея — по одной душѣ“.

Въ доказательствѣ благороднаго происхожденія предковъ Стефана Лазаревскаго было сказано слѣдующее: „Дѣдъ мой Ананій Лазаревскій, жительствующи полку Нѣжинского въ г. Конотопѣ, на шляхетскихъ имѣніяхъ его собственникъ, отправляя всероссійскому престолу воинскую службу въ числѣ благороднаго шляхетства, былъ знатнымъ войсковымъ товарищемъ, а по немъ отецъ мой Леонтій, равно и самъ я, подражая той благородной предковъ моихъ службѣ, живя на тѣхъ же предковскихъ своихъ имѣніяхъ и къ тому приобрѣтя еще покупкою такого жъ имѣнія, служили воинско жъ въ числѣ сотенныхъ товарищей и вели жизнь благородную, состояніе и службу сходственную съ дворянскимъ названіемъ, во увѣреніе чего о благородномъ происхожденіи предковъ и что подлѣнно дѣдъ мой Ананій войсковымъ товарищемъ, по 12 пункту высочайшей дворянской грамоты, отъ двенадцати несомнительныхъ дворянъ свидѣтельство прилагаю. — Сверхъ же того въ сходство оной грамоты 13 пункта присовокупляю здѣсь и на дворянское имѣніе приобрѣтенное самимъ мною послѣ предковъ моихъ, купчую крѣпость въ 1774 году, отъ войск. товар. (что нинѣ полковимъ асауломъ) Приймакова данную. Хотя же на чинъ онаго дѣда моего войск. товарища унѣверсаль отъ гетмана Мазепы данній, равно и на приобрѣтенные шляхетскіе имѣ и моимъ отцемъ такъ же и мною (сверхъ вышеписаннаго) имѣнія крѣпости и о службѣ аттестаты и другіе къ тому подлежащіе документы въ отца моего имѣлись, но оніе всѣ при изгорѣніи со всѣмъ имѣніемъ во время жизни отца моего дому, у бившомъ надъ цѣлимъ городомъ Конотопомъ пожарномъ случаи, потеряны. Къ сему показанію жительствующій въ г. Конотопѣ товарищъ сотенный Лазаревскій, а вмѣсто его немогущаго писать, по его велѣнію подписалъ сынъ его значковый товарищъ Илья Лазаревскій“. — Упоминаемые здѣсь — универсаль Мазепы, крѣпости на шляхетскія имѣнія и о службѣ аттестаты — были стереотипнымъ повтореніемъ всѣхъ подобныхъ „доказательствъ“, какъ равно и указаніе на „потеряніе“ ихъ „въ пожарный случай“. Въ приложенномъ къ доказательству свидѣтельствѣ говорилось: „Мы нижеподписавшіеся симъ свидѣствуемъ что жительствующаго въ уездѣ Конотопскомъ Стефана Лазаревскаго предки: дѣдъ Ананій, будучи товарищъ войсковій и отецъ Леонтій сотенный товарищъ вели жизнь благородную и отправляли службу съ дво-

рянскимъ названіемъ сходственную, въ достовѣреніе чего, при подписѣ нашемъ, печати утвердили“. Это свидѣтельство подписали слѣдующіе дворяне: надворный совѣтникъ и кавалеръ Павелъ Коропчевскій.—Надворный совѣтникъ Иванъ Пулчевскій.—Надворный совѣтникъ Леонтій Парпура.—Коллежскій ассесоръ Иосифъ Котлубицкій.—Коллежскій ассесоръ и уѣзднаго Конотопскаго суда засѣдатель Емельянъ Коропчевскій.—Коллежскій ассесоръ Василій Зубрицкой.—Коллежскій ассесоръ Андрей Рачинскій.—Коллежскій ассесоръ Андрей Дергунъ.—Коллежскій ассесоръ Василь Томиловскій.—Надворный совѣтникъ Степанъ Романовскій.—Новгородскаго Сѣверскаго намѣстничества губернской казенныхъ дѣлъ стряпчій коллежскій ассесоръ Иванъ Лишень.—Кромѣ того въ доказательство дворянства представлена была и купчая крѣпость 1773 г., по которой Степанъ Лазаревскій купилъ у Пріймакова 25 „дней“ земли за 250 р.

Дѣло о дворянствѣ Лазаревскихъ было затѣяно несомнѣнно Ильею и, вѣроятно въ благодарность за хлопоты по этому дѣлу, отецъ и братья послѣдняго нашли возможнымъ не только произвести выдѣлъ слѣдовавшей ему, по числу братьевъ, части земли, но и отдать при этомъ Ильѣ всѣхъ четырехъ своихъ крестьянъ... Послѣдній фактъ трудно объяснить, если только эти крестьяне не находились въ этотъ моментъ — „въ бѣгахъ“ и Илья Лазаревскій получалъ не крестьянъ, а лишь право ихъ искать... Документъ при этомъ былъ выданъ слѣдующій: „1787 г., мая 20 дня. Мы нижеподписавшіесь, жительствующіе въ г. Конотопѣ, изъ дворянъ Стефанъ Леонтиевъ и сыны его Тимофей, Андрей и Романъ Стефановы Лазаревскіе, всѣмъ кому о томъ вѣдать належить, объявляемъ, что съ числа имѣющагося во владеніи нашемъ недвижимаго именія, положеніемъ въ городѣ и въ уездѣ Конотопскомъ находячагося, удѣляется отъ насъ во вѣчное владѣніе сыну моему, а Тимофея, Андрея и Романа брату, значк. товарищу Ильи Лазаревскому жъ во вѣчное владѣніе, женѣ и потомству его, въ г. Конотопѣ грунтъ предковскій нашъ, лежачій въ замку, помежъ грунтовъ коллежскаго ассесора Емельяна Коропчевскаго, Грабовскаго и мѣщанина Ганжѣ, да пахатнаго поля на три дни, положеніемъ находячагося на Поповскомъ шляху троецкомъ, не доездя криницѣ и Волковнѣ, въ смежности нивъ Петра Терещенка, да на три жъ дни за Валкомъ, помѣжъ ниви козака Ивана Довгеля, и притомъ записанныхъ за нами на общемъ нероздѣльномъ имѣніи, по нынѣшней 782 г. ревизіи состоящихъ въ подушномъ окладѣ, въ г. Конотопѣ, мужеска пола душъ, именно: Кирила Емельянова Пасѣчниченка, Евфима и Максима Осиповыхъ сыновъ да Петра Дмитріева Бакаенка, якіе и по доказательству о дворянствѣ по спискамъ состоятъ; и тѣмъ грунтомъ, полемъ, и людьми онъ Илія, жена его и дѣти его должны владѣть по своему изволенію вѣчно. И за тѣ четыре мужеска пола души подушной семигривенной окладъ и прочіе отъ сего времени указніе подати, долженъ онъ уплачивать отъ себя всегда въ казну безъдоимочно, и оными, въ отбуваніи отъ ныхъ крестьянскихъ повинностей, управлять

имѣеть, яко ихъ владѣлецъ. Мы жъ, жены и дѣти нашѣ, какъ къ тому грунту и полю, такъ равно и къ показаннымъ людямъ никакого ко владѣнію препятствія чинить не должны, а заключаемъ удалитъ себя и потомство свое отъ всего того уступленного ему вѣчно, однако жъ съ такимъ при томъ условіемъ, что уже онъ Илія (въ разсужденіи нашего небольшого недвижимаго имени, единственно толко къ оному прожитію и препитанію нужного, и по якому онъ сверхъ сего по женитьбѣ его имѣеть у себя къ безнужному себя содержанию недвижимое имение отъ тестя его по наслѣдству женѣ его Ксеніи Степановой Торансковни доставшоеся), какъ къ жилимъ нашимъ грунтамъ, такъ и къ протчимъ недвижимымъ имѣніямъ во владѣніи болѣе участникомъ быть не долженъ, и то все имение безъ всякаго отъ него прекословія должно оставатся въ вѣчномъ владѣніи нашемъ и меншого еще сына моего, а протчихъ брата Василя, (кой по службѣ находится въ отлучкѣ), кому что съ насъ отецъ, удѣлившы уже по вышеписанному его, Илію, въ подѣлъ распредѣлитъ; въ согласіе чего и онъ Илія на семъ при печати подписался. Въ лучшее жъ вѣроятіе и твердость сей записъ за подписомъ нашимъ и его, Иліи, при упрощенныхъ свидѣтеляхъ, съ утверженіемъ печатей, данъ въ г. Конотопѣ, году, мѣсяца и числа вышеписанныхъ. Къ сему уступному запису жительствующіе въ г. Конотопѣ изъ дворянъ Стефанъ Леонтиевъ и сини его родни Тимофѣй и Андрей Стефанови, а мѣсто ихъ немогущихъ писать, съ персональной ихъ прозби, и за себе руку приложилъ первого синъ, а послѣднихъ братъ Романъ Стефановъ Лазаревскій. (М. П.).

Показанному по сему запису мнѣ отъ отца и братьевъ моихъ удѣленію согласенъ и доволенъ и что за принятіемъ всего того въ свое владеніе такъ протчимъ недвижимымъ имѣніямъ во владѣніи ихъ остающимся участникомъ битъ и никакого прекословія имъ чинить не долженъ, въ томъ при печати подписался, изъ дворянъ значковій товарищъ Ілія Лазаревскій. (М. П.) Дачи сего уступного записа свѣдоми и по персональному всѣхъ уступчиковъ и въ свое владѣніе пріемщика Лазаревскихъ прошенію, во свидѣтельство, при печатехъ подписались: коллежскій регистраторъ Григорій Костяновскій. Войсковій товарищъ Степанъ Крамаренковъ“.

Но одна записка Лазаревскихъ въ дворянскіе списки однако жъ еще не доказывала ихъ дѣйствительнаго дворянства, такъ какъ эти списки должны были затѣмъ представляться для провѣрки въ сенатъ, который находилъ одно свидѣтельство 12-ти дворянъ недостаточнымъ для утверженія въ дворянствѣ просителей, а требовалъ документовъ о жалованіи или дворянства или чиновъ дававшихъ право на дворянство. Такихъ документовъ Лазаревскіе представить разумѣется не могли и дѣло ихъ о дворянствѣ, какъ и множества другихъ подобныхъ искателей, кончилось ничѣмъ.

Степанъ Лазаревскій жилъ на свѣтѣ около 77-ми лѣтъ; умеръ онъ повидимому въ началѣ 1803 г., такъ какъ въ февралѣ этого года напи-

саль онъ духовное завѣщаніе, а послѣднія въ народѣ писались обыкновенно въ то время, когда завѣщатель ложился уже на „смертную постель“. Завѣщаніе было написано слѣдующее: „1803 года, февраля 12 д. Я нижеименованный рабъ божій Стефанъ Леонтиевъ сынъ Лазаревскій, будучи при старости и слабости моего здоровья, но въ полномъ разумѣ и разсужденіи, для предбудущихъ временъ, жену свою Матрону Гаврилову дочь, жившую до сего со мною въ непорочномъ супружествѣ двадцать лѣтъ, и дѣтей моихъ отъ первой жены рожденныхъ симъ моимъ тестаментомъ распредѣляю именно: 1) дворъ жилой, мною съ первою женою нажитой, состоящей въ Конотопѣ на Вовкогоновки ¹⁾, отъ шляху до берега и при берегѣ сѣнокосъ къ нему принадлежащій до стрижня, ²⁾ по смерти моей долженъ остаться вѣчно пополамъ во владѣніи сынамъ моимъ старшему Тимофѣю и меньшому Ильи, равно и строеніе тамъ, гдѣ живеть Тимофѣй, пребудеть при немъ навсегда, а гдѣ я теперъ живу и самъ владѣю, какъ то: двѣ хатѣ съ комнатою и при нихъ коморою зъ сѣнми и особо въ огородѣ амбаръ зъ чуланомъ, конюшня и клуня, долженствуетъ по мнѣ остаться навсегда Ильи, съ тѣмъ однако жъ моимъ завѣщаніемъ, что по смерти моей жена моя въ семъ жиломъ моемъ домѣ доживотно или покудова пожелаетъ повинна прожить безъпрекословно отъ него, въ чемъ я безъсомнѣнно на его надѣюсь, что онъ сынъ мой Илья, въ разсужденіи особого его на жениномъ имѣніи жительствова, въ томъ ей не возбранить. 2-е) Другой дворъ, также съ первою женою нажитой, гдѣ нынѣ живеть подстаршой сынъ Андрей со всѣмъ въ немъ строеніемъ и огородомъ, пребудутъ вѣчно и потомственно при немъ. 3) Грунтъ въ самомъ городѣ въ замку подлѣ дому мѣщанина Ганжи, безъ всякого теперъ строенія, наслѣдственной мнѣ по моимъ предкамъ, оставляю на вѣчное владѣніе сыну умершого меньшого сына моего Романа моему внуку Филиппу, которому я и наличныхъ денегъ отдалъ тридцать рублей; а къ тому еще владѣть ему, заставленнымъ мнѣ отъ жителя конотопского Федора Слинка за 20 руб., двумя днями полемъ, подъ хуторомъ Гацуковымъ лежачимъ, до викупу, а за викупомъ тѣмъ денгамъ остатся при немъ. Всѣмъ же сынамъ моимъ Тимофѣю, Андрею, Ильи и меньшому отцу Филипову Роману, предъ симъ я по четири дни пахатного поля во всегдашнее ихъ владѣніе удѣлили; а еще теперъ опредѣляю: первимъ тремъ — по одному дню поля за Валкомъ, на перекрестномъ шляху, въ одномъ мѣстѣ лежачого, и наличныхъ денегъ асигноваль и отдалъ по сто рублей, такъ равно какъ и женѣ своей толикимъ же числомъ отдалъ, которой и дочерѣ моей съ нею спложенной, вишедшей уже съ подлежащимъ вивѣномъ въ замужье за Михаила Иванова сына Марченка-Гузка Федосіи, послѣдніе пять дней съ упругомъ, имено: два днѣ на Сосновской дорогѣ подлѣ вѣтряковъ, а три днѣ съ упругомъ — подлѣ Ковалевскихъ могилъ въ двухъ мѣстахъ отдаю. 5) Дочерѣ моей

¹⁾ Волкогоновкою и теперъ называется часть Конотопа, составляющая приходъ церкви Успенія Богородицы.

²⁾ Подразумѣвается — до стрижня рѣки Езуча.

старшой отъ первой жены рожденной Настаси, сверхъ слѣдуемого ей вивѣну и послѣ того данныхъ десяти рублей, опредѣляю одинъ день поля пахатнаго надъ Власовимъ яромъ лежачого. 6) Касательно жъ до хозяйской всякой рухляди, то поелику оное жена моя, живя со мною какъ выше сказано чрезъ двадцать лѣтъ въ вѣрномъ супружествѣ со мною приобрѣла и все хозяйство въ надлежащей порядокъ съ нею приведено, а дити мои по жителству ихъ неоттеперь особо отъ меня, такую жъ у себя уже имѣютъ и оное имъ теперь почитаю за ненужное, оставляю при женѣ моей навсегда въ еи видѣніи. 7) Наличныхъ денегъ въ меня имѣющихся 400 рублей, шубъ овчинныхъ новихъ числомъ 20, на сумму 80 рублей, ковровъ шерстяныхъ простой работы 20, примѣрно всякой по рублю — на 20 рублей, овчинъ чиненныхъ и нечиненныхъ числомъ 685, въ которое число должно еще получить отъ жителей конотопскихъ Павла Барабана и Максима Левченка, за уплатою имъ недоплаченныхъ ста рублей—250, всякая сотня въ покупкѣ по 75 рублей, всего за овчины денегъ 514 рублей 25 коп., на всей наличности на 1014 руб. 25 коп., за употребленіемъ на сорокоусти и поминовение меня, по смети моей съ общаго жени и сыновъ моихъ согласія, двохсотъ рублей, на что имѣтъ имъ и вѣрніе записки, и за уплатою за показанные овчины ста рублей, раздѣлить по ровной части, какъ женѣ моей такъ и вышеписаннымъ всѣмъ тремъ синовьямъ моимъ. И сей духовный testamentъ да останется навсегда святъ безъ всякого отъ кого либо нарушенія; а на нарушителя онаго полагаю свое неблагословеніе и проклятіе. Сочиненъ при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ и съ приложеніемъ печатей въ г. Конотопѣ, году, мѣсяця и числа вышеписанныхъ. На подлинномъ тако: къ сему духовному testamentу жительствующій въ городѣ Конотопѣ дворянинъ Стефанъ Леонтіевъ сынъ Лазаревскій подписался, а вмѣсто его немогущаго писать по его велѣнію руку приложилъ внукъ его губернской регистраторъ Яковъ Лазаревскій. Сочиненію сего духовнаго testamentа свидоми и что точно всѣ вышеизясненнія въ ономъ распоряженія отъ означеннаго testamentодадца Стефана Лазаревского, при полномъ и совершенномъ его разумѣ, отъ устъ его слыханіи, въ томъ съ приложеніемъ печатей во свидѣтельство подписались: мѣщанинъ конотопскій Якимъ Ивановъ сынъ Рымаревъ. Мѣщанинъ конот. Иванъ Каченко подписался, а вмѣсто его неграмотнаго по его прошенію и за себе руку приложилъ мѣщанинъ Андрей Мусѣнко. Вышеизясненнымъ въ семъ духовномъ testamentѣ вираженіемъ согласи и въ томъ подписались: Тимофей, Андрей, а за нихъ немогущихъ и за себе конотоп. повѣтовий коморникъ Илья Степановъ Лазаревскій“.

Это завѣщаніе также подтверждаетъ, что Степанъ Лазаревскій принадлежалъ къ числу „заможныхъ“ конотопскихъ обывателей. Только хорошими средствами завѣщателя можно объяснить почти чрезвычайную его щедрость при назначеніи имъ двухсотъ рублей на свои поминки: такая цыфра и въ завѣщаніяхъ богатой старшины встрѣчается нечасто.

Умирая Степанъ Лазаревскій какъ видно изъ завѣщанія оставялъ трехъ сыновей, Тимофѣя, Андрея и Илью, и внука Филиппа сына умершаго Романа. Былъ у Степана Лазаревскаго еще и пятый сынъ Василій, но онъ умеръ раньше отца и неженатымъ.

Тимофей Лазаревскій, кромѣ дочери, имѣлъ трехъ сыновей, потомки которыхъ повидимому и теперь живутъ въ Конотопѣ именуясь козаками Лазаренками. — Андрей Лазаревскій женатый на дочери значков. Лазкевича оставилъ одного сына Якова, который какъ видно изъ духовнаго завѣщанія его дѣда, уже въ 1803 г. былъ губернскимъ регистраторомъ. Будучи хорошо грамотенъ онъ служилъ канцеляристомъ въ Конотопскомъ повѣтовомъ судѣ и въ 1810 г. значится — коллежскимъ секретаремъ. Служба эта конечно и дала ему возможность жениться на дочери одного изъ замѣтныхъ тогдашнихъ панковъ — ротмистра Ивана Даниловича Мартышки. Послѣдній родомъ былъ изъ Конотопа и какъ кажется по женитьбѣ приобрѣлъ около Гирявки х. Яремовскій. Мартышка былъ женатъ три раза. Отъ одной изъ этихъ женъ онъ имѣлъ двоихъ дочерей: Василису и Настасью; на первой изъ нихъ и женился Яковъ Лазаревскій. Василиса Ив-на унаслѣдовала и отцовскій хуторъ, который затѣмъ она передала своему мужу по слѣдующему акту: „1811 г., умершаго помѣщика ротмистра Ив. Дан. Мартышки дочь, губ. секр. Якова Андр. Лазаревская жена объявляю, что я, чувствуя мужа моего Якова Лазаревскаго ко мнѣ благорасположеніе и добродушіе въ непреложности чего и навсегда твердую надежду имѣю, съ особливою моею къ нему расположенности всѣ оставшіеся по смерти моего отца въ часть мою имѣнія, въ томъ числѣ хуторъ Яремовскій, лежацій подъ село Гирявку называемый Торговицкимъ, доставшійся отъ дворянъ Яновскихъ по мировымъ и крѣпостнымъ сдѣлкамъ, ему мужу вручаю“. — Такими актами старались заручаться въ старой Малороссіи мужья-бѣдняки, женившіеся на женахъ съ приданнымъ, желая разумѣется обезопасить себя отъ всякихъ неожиданностей на случай смерти этихъ женъ или другихъ какихъ случайностей. — У Якова Лазаревскаго было два сына и двѣ дочери. Одинъ изъ сыновей горбунъ Афанасій умеръ въ молодости, а другой Адрианъ служилъ въ уланахъ и находясь съ полкомъ въ Елисаветградѣ женился тамъ на какой то барышнѣ, за которою получилъ въ приданое тамъ же небольшую деревню Вербовку. Выйдя въ отставку Адрианъ Лазаревскій въ этой деревнѣ поселился, жилъ и умеръ (1868 г.). Онъ имѣлъ одну только дочь Вѣру, вышедшую замужъ за Мартоса. Дочери Якова Лазаревскаго были: — Марья и Елена. Торговицкій хуторъ не могъ не привлечь къ нимъ жениховъ. На Марьѣ женился панокъ изъ Роменскаго уѣзда Алексѣй Павловичъ Максимовичъ и поселившись въ жениномъ хуторѣ, прожилъ тутъ цѣлую свою жизнь съ утра до вечера „тупая“ около своего хозяйства, которое несмотря на свою незначительность, однакожъ безбѣдно прокормило обоихъ супруговъ до смерти, благодаря ихъ неустанному труду. У Максимовичей дѣтей не было. Другая дочь Якова Лазаревскаго Елена вышла замужъ

за Федора Баклана изъ Поповки, родила отъ него дочь и затѣмъ съ мужемъ уже не жила до смерти, а жила съ Максимовичами въ хуторѣ, который оставался нераздѣленнымъ. Дочь Елены Як-ны Марья вышла замужъ за Андрея Гр-ча Молчана. Послѣ смерти матери (1863) и тетки (1883), Торговецкій хуторъ достался этой внукъ Якова Лазаревского¹⁾.

Романъ Лазаревскій умеръ раньше отца оставивъ сына Филиппа, который во время смерти дѣда жилъ въ Нѣжинѣ „въ обученіи купеческой коммерціи“. Затѣмъ Филиппъ Лазаревскій пожелалъ отправиться еще далѣе Нѣжина — „искать себѣ въ приобрѣтеніи знанія въ коммерціи купеческой“ и взялъ для удостовѣренія своей личности, отъ одного изъ дядей слѣдующее свидѣтельство: „Находившомусь въ г. Нѣжинѣ во обученіи купеческой коммерціи повѣта Конотопского изъ дворянъ Филиппу Романову сыну Лазаревскому свидѣтельство. — Оной Лазаревскій нашъ племянникъ будучи уроженецъ г. Конотопа по причини смерти его родителей обиротѣвши, неимѣя нужного для себя пропитанія, по его желанію, а нашему позволенію намѣренъ искать себѣ въ приобрѣтеніи знанія въ коммерціи купеческой, гдѣ ему заспособно покажется; а что умершіе родители его — отецъ Романъ Стефановъ сынъ Лазаревскій съ насъ коморнику былъ родной братъ, а мать Евдокія Николаевна дочь Лазаревская урожденная Скибовсковна женѣ Яцунова родная сестра, и произхожденіе онъ имѣеть по своей фамиліи изъ дворянъ, а потому и въ окладѣ нигдѣ онъ не состоитъ, равно никакихъ казенныхъ и партикулярныхъ долговъ отъ родителей его не осталось и оныхъ въ немъ не зависить, по таковымъ обстоятельствамъ и въ продолженіи его служенія, гдѣ онъ можетъ быть, никакому онъ сомнѣнію не предлежитъ, въ томъ мы того кому о немъ Лазаревскому вѣдать надлежитъ подписомъ своимъ и съ приложеніемъ печатей увѣряемъ. 1804 года, сентября 15. Повѣта Конотопского коморникъ Илья Стефановъ сынъ Лазаревскій“. Неизвѣстна дальнѣйшая судьба Филиппа Романовича; но послѣ него остался сынъ Михаилъ, который какъ видно подобно отцу искалъ счастья по бѣлу-свѣту и пріютился въ Астраханѣ, гдѣ онъ служилъ совѣтникомъ въ тамошней палатѣ государственныхъ имуществъ и умеръ въ 1867 г., оставивъ тамъ свое потомство.

Въ бумагахъ Ильи Лазаревскаго сохранились о немъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія. Родился Илья Л—ій въ 1758 г., а въ 1770 г. уже значился канцеляристомъ Конотопскаго сотеннаго правленія, какъ видно изъ его послужного списка. Это значить, что Илья Л—ій былъ наученъ не только книжной, но и письменной грамотѣ, а научившись послѣдней былъ посаженъ отцемъ въ сотенную канцелярію, гдѣ и началъ „копѣвать“ бумаги... Просидѣвъ въ этой канцеляріи шесть лѣтъ, Илья Лазаревскій въ 1776 г. перешелъ на службу въ Нѣжинскую полковую канцелярію „подканцеляристомъ“ и тутъ черезъ годъ произведенъ былъ въ канцеляристы. О службѣ Лазаревскаго въ полковой канцеляріи гово-

¹⁾ Обѣ сестры Марья и Елена, похоронены на старинномъ курганѣ, находящемся внизу подъ горою между хуторомъ и лѣсомъ.

ритель выданный ему. оттуда 4 февраля 1781 г. аттестать слѣдующее: „За принятіемъ его Лазаревского въ 1776 г. въ полковую Нѣжинскую канцелярію къ письменнымъ оной канцеляріи дѣламъ, тогда жъ опредѣленъ онъ подканцеляристомъ и по приводѣ къ указной присяги, находился повѣтчикомъ, и видячи его канцеляриста Лазаревского въ дѣлахъ способность и прилѣжность, не только въ порученномъ ему Лазаревскому повѣтѣ касающіеся до оного, но и въ протчихъ повѣтяхъ всякіе дѣла со всевозможнымъ трудомъ и старательствомъ по долгу и присяги его безпорочно и безотлучно исправлялъ и отписывалъ по нынѣ; и между таковою его Л—ого у дѣлъ полковой канцеляріи бытностію, онъ Л—ій прошлого 1780 году, марта 18, отъ полковой канцеляріи опредѣленъ былъ въ слѣдственную комиссію, производимую, въ силѣ указовъ Малороссійской коллегіи и канцеляріи Малороссійскаго скарба, смотрителемъ коронныхъ повѣта Нѣжинскаго имѣній войск. товаришемъ Степаномъ Тарасевичемъ, о неналежащемъ завладѣніи ранговихъ полковничества Нѣжинскаго Берестовецкихъ (с. Берестовца) земель, где и находился, въ произвожденіи писменныхъ указныхъ дель добропорядочно и прилежно, до пяти мѣсяцей—зъ того 18 марта по 27 июля, и въ засвидѣтельствовање той его Л—ого въ оной комиссіи бытности и труда, отъ оного Тарасевича данъ ему Л—ому аттестать; и тѣмъ доношеніемъ оной канцеляристь Л—ій, представляя при томъ аттестаты, просилъ за предложенную имъ Л—имъ чрезъ вышеписанное время, службу съ удостоеніемъ его, Л—ого, къ повишенію чина видать ему аттестать. А какъ о вышепрописанной оного канцеляриста полковаго Л—ого добропорядочной и безпорочной службѣ полковой Нѣжинской канцеляріи довольно извѣстно, да и въ представленныхъ онымъ канцеляристомъ полковимъ Л—имъ, данныхъ ему Л—ому 1776 году, августа 23, зъ сотенной Конотопской канцеляріи, а 1780 году, июля 27 числѣ, отъ смотрителя коронныхъ повѣта Нѣжинскаго имѣній войск. товарища Степана Тарасевича аттестатахъ засвидѣтельствованно, что онъ канцеляристь Л—ій будучи при сотенной Конотопской канцеляріи и въ следственной комиссіи при показанному смотрителю коронныхъ имѣній Тарасевичу, по должности его въ исправленіи указанныхъ писменныхъ дѣлъ находился добропорядочно и безпорочно съ немалымъ трудомъ и прилѣжностію, безъ упущения, въ штрафахъ же и порокахъ онъ к—сть Л—ій не билъ, и за оніе его к—ста службы, по усмотрѣнію полковой Нѣжинской канцеляріи, онъ к—сть полковій Л—евскій значковимъ товаришемъ быть достоинъ; въ полку Нѣжинскомъ до полного комплекта значковихъ товарищей недостаетъ двадцаты двохъ человекъ, для тогò опредѣлили, въ засвидѣтельствовање вышеписанныхъ оного к—ста полковаго Л—ого добропорядочныхъ и безпорочныхъ службъ, ко испрошенію за оніе отъ главной команды награжденія чина значковаго товарища, дать ему к—сту полковому Илиіи Л—ому изъ полковой Нѣжинской канцеляріи аттестать, каковъ съ приложениемъ объ немъ Л—омъ формулярнаго списка и данъ въ Нѣжинѣ 1781 году, февраля 4 дня“.

Вмѣстѣ съ этимъ аттестатомъ составленъ былъ въ полковой канцеляріи и послужной списокъ Ильи Л—аго, при чемъ изъ его списка видно, что въ это время Л—ій былъ уже женатъ, но дѣтей еще не имѣлъ. Женатъ онъ былъ на дочери значк. товарища Степана Леонтьевича Торанскаго Ксеніи. — Торанскіе были такіе же мѣщане конотопскіе, какъ и Лазаренки. По купчей 1723 г. „житель конотопскій Леонтій Торанщенко купилъ въ Конотопѣ у мѣщанки Горпины Лохвицкой дворъ съ плацомъ и садкомъ, помежъ Антона Лободы стоячій, „за 200 золотыхъ. По другой купчей 1728 г., „знатный мѣщанинъ конотопскій“ Леонтій Торанскій купилъ у Леонтія Горкаваго — „футоръ расположеніемъ подъ с. Гутами, именно: дворъ з хороннимъ строеніемъ, гай, такожъ пахатніе и сѣнокосніе поля“, за 240 золотыхъ. Въ позднѣйшихъ частныхъ бумагахъ Леонтій Торанскій называется иногда и козакомъ. Такъ по купчей 1749 г. козаки с. Гуть Жданенки продали козаку и жителю конотопскому Леонтію Торанскому — „поля пахатного шесть дней, за певную сумму личбы литовской рублей двадцать“. У этого Леонтія Т—аго былъ сынъ Степанъ, который, желая закрѣпить за собою козацье званіе, обратился къ Нѣжинскому полковнику съ просьбою, въ виду службъ отца его Леонтія и его самого, — „аттестовать его в званіе значковыхъ товарищей“. Просьба Степана Т—аго была удовлетворена и онъ получилъ изъ генеральной войск. канцеляріи слѣующій „откровенный ордеръ“. „Г. полковникъ Нѣжинскій Разумовскій, присланнымъ въ генер. войск. канцелярію доношеніемъ, представлялъ, что козакъ и житель конотопскій Стефанъ Торанскій въ полковую Нѣжинскую канцелярію подалъ доношеніе, показуя: отецъ де его козакъ конотопскій Леонтій Торанскій отправлялъ многіе поручаеміе ему отъ полковой Нѣжинской канцеляріи и отъ городской Нѣжинской ратуши дѣла по 1741 годъ, въ званіи мѣщанскомъ, кромѣ общенародныхъ повинностей, и чрезъ нѣсколько годъ былъ сотеннымъ комиссаромъ и въ Глуховѣ, въ канцеляріи Малороссійскихъ сборовъ, полковимъ щетчикомъ, а въ ономъ 741 году, когда опредѣленъ генер. войсковою канцелярією въ козацое званіе, то и по тому званію находился въ отправленіи разныхъ поручаемыхъ ему отъ полковой Нѣжинской и сотенной Конотопской канцеляріи дѣлъ, такожъ и онъ проситель з оногo 1741 году отправлялъ поручаеміе ему отъ тѣхъ канцелярій дѣла зъ должнымъ раченіемъ; нынѣ же де показанній отецъ его просителя находится при старости лѣтъ и, за слабостію здоровья своего, онъ проситель (яко де обще съ нимъ жительствуетъ) отправлять всякіе службы въ званіи значковыхъ полку Нѣжинского товарищей желаетъ и просилъ де, чтобъ за показанніе его и отца его просителя службы аттестовать его просителя въ званіе значковыхъ товарищей, а яко де въ полку Нѣжинскомъ значковыхъ товарищей указного числа неимѣется, по усмотрѣнію же де полковой Нѣжинской канцеляріи реченній проситель Торанскій человекъ грамотенъ и имущественъ, и въ званіи значковыхъ товарищей быть достоинъ, и требовалъ онъ полковникъ объ опредѣленіи его Торанскаго в значковіе товарищи въ генер.

войсковой канцелярії розсмотрѣнія; а понеже высокимъ ордеромъ его ясновелможности высокопovelителнаго г.г. Малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетмана и разныхъ ординовъ кавалера, на доношеніе генеральной войсковой канцелярії, прошлаго 754 году декабря 4 д., между иннимъ велено по представленіямъ и аттестатамъ отъ полковниковъ малороссійскихъ въ званіе значковыхъ товарищей достойныхъ изъ козачого званія, и не сверхъ указанныхъ числъ, опредѣлять генер. канцелярії. По справки же въ генер. канцелярії полного числа значковыхъ товарищей нынѣ въ полку Нѣжинскомъ неимѣется, того рады по опредѣленію генер. войск. канцелярії велено означенного Стефана Торанского въ тотъ Нѣжинскій полкъ опредѣлить въ значковіе товарищи и дабы о такомъ опредѣленіи г. полковникъ Нѣжинскій зъ полковою старшиною, сотники того полку, значковіе товарищи и прочіе кому належитъ, ведалы—для того ему Торанскому сей генер. в. канцелярії ордеръ въ прочетомъ данъ, и въ томъ званіи на вѣрность ея императорскому величеству къ присягѣ онь Торанскій zde въ Глухове приведенъ 1755 г., марта 27 д.“.

Въ 1751 г. Конотопъ былъ отданъ в числъ другихъ мѣстечекъ на рангъ генеральному обозному Кочубею, по просьбѣ котораго долгое время производилось слѣдствіе „о нововписаныхъ мѣстечка Конотопа съ посполства въ козаки“. Въ числъ самовольно переписавшихся изъ мѣщанъ въ козаки были и Торанскіе; но когда Степанъ Торанскій предъявилъ въ слѣдственную комиссію приведенный выше „откровенный ордеръ“, то комиссія затруднилась — что ей дѣлать и обратилась за разъясненіемъ вопроса въ генеральную канцелярію: „понеже такъ съ того ордера открытого, яко и по слѣдствію является, что отецъ его Торанского Леонтій былъ мѣстечка Конотопа посполитый и тогда будучими грунтами владѣлъ, такъ и по смерти его сынъ его жъ Стефанъ Торанскій нынѣ владѣеть, того ради слѣдственная Конотопская комиссія просила генеральную канцелярію — какъ съ нимъ Стефаномъ Торанскимъ поступить въ резолюцію ордера“. Неизвѣстно что именно отвѣчала генер. канцелярія, но разумѣется лишитъ Степана Торанского козачьего званія послѣ выданнаго ему „ордера“ она уже не могла. Будучи значковымъ товарищемъ Степанъ Торанскій, послѣ открытія намѣстничествъ, обратился, какъ и другіе къ исканію дворянства. Очень вѣроятно, что начинателемъ этого дѣла былъ его зять Лазаревскій. Какъ бы то ни было, но въ 1786 г „двѣнадцать дворянъ“ свидѣтельствовали, что „жительствующаго въ уѣздѣ Конотопскомъ значковаго товарища Стефана Торанского предки: прадѣдъ Стефанъ знатный товарищъ войсковой, дѣдъ Андрей и отецъ Леонтій будучи знатными товарищами сотенными вели жизнь благородную и отправляли службу съ дворянскимъ званіемъ сходственную“. Неизвѣстно зачѣмъ Торанскій начиналъ это дѣло, такъ какъ сыновей у него не было, а самъ онь въ это время (1786 г.), по словамъ его духовнаго завѣщанія „имѣлъ отъ роду до 70-ти лѣтъ“ и былъ „посѣщенъ такою болѣзнью что о выздоровленіи отъ оной надежды вовсе не предвидѣлъ“. Дѣйстви-

тельно въ томъ же 1786 г. Степанъ Т—ій и умеръ, оставивъ вдову Евдокію Вонифатьеву и трехъ дочерей: вдову Агафью, бывшую замужемъ за войск. тов. Иваномъ Левченкомъ, Барвару, жену коллежскаго канцеляриста Ивана Казановича и Ксенію, жену значк. товарища Ильи Лазаревскаго. Интересно, что въ духовномъ завѣщаніи Степанъ Т—ій самъ называетъ себя значковымъ товарищемъ, но дочери его въ официальныхъ актахъ вездѣ отца называютъ — корнетомъ, каковъ чинъ такимъ образомъ безъ труда былъ присвоенъ умершему Торанскому. Распредѣляя между дочерьми и вдовою свое имѣніе Степанъ Т—ій старый дворъ на хуторѣ около Гуть, въ которомъ онъ самъ жилъ, отдалъ младшей дочери Ксеніи. Такимъ образомъ уже въ 1786 г. Илья Л—ій получилъ за женою особую земельную собственность, на которой и устроилъ свой Гутянской хуторъ, продолжавшій носить названіе Горкавинскаго по имени перваго его собственника. Между тѣмъ получивъ изъ Нѣжинской полковой канцеляріи отставку, Илья Л—ій, по открытіи намѣстничествъ, сталъ снова искать — гдѣ бы пристроиться на службу. Въ одномъ изъ его аттестатовъ значится, что по открытіи въ Малороссіи намѣстничествъ въ 1782 г., онъ Л—кій „по выбору г. Конотопа былъ того жъ города словеснымъ судьей“; затѣмъ въ 1783 г. Илья Л—ій былъ „опредѣленъ къ дѣламъ Коноптоскаго уѣзднаго казначейства, кои исправляя находился онъ первые два года на своемъ содержаніи, а потомъ за представленіемъ о его къ дѣламъ знанія, способности и вѣрности по указу Новгородсѣверскаго намѣстническаго правленія опредѣленъ на первостатейной канцелярскаго жалованья окладъ“. Служба въ казначействѣ Ильѣ Л—ому не улыбалась и въ 1791 г. онъ службу эту оставилъ, получивъ отъ тогдашняго казначея Ивана Рахубовскаго аттестатъ о „вѣрной безъ малѣйшаго порока службѣ“. Затѣмъ четыре года Л—ій находился въ отставкѣ, проживъ это время конечно въ своемъ Горкавинскомъ хуторѣ. Но незначительное имѣніе ничего не обѣщало Л—ому въ будущемъ и онъ снова сталъ искать службы, обратившись на этотъ разъ уже за предѣлы своей родины. Въ нач. 1795 г. онъ подалъ прошеніе извѣстному впослѣдствіи козацкому атаману Платову — о принятіи его на службу въ „Чугуевскіе полки“, какъ это видно изъ слѣдующей бумаги, написанной на имя значковаго товарища Ильи Лазаревскаго: „Поданное вами прошеніе на высочайшее ея императорскаго величества имя о поступленіи на службу въ Чугуевскіе полки, я находя васъ способнымъ къ сему роду службы, не примину представить главнѣй командѣ и когда выйдетъ резолюція въ сходство вашего желанія, будете от меня изътребованы въ полкъ. До возпослѣдованія же резолюціи отъ главного начальства, извольте остаться при своихъ мѣстахъ“. Написана эта бумага 16 апрѣля 1795 г., въ Черкасскѣ, и подписана — „генераль-майоромъ и кавалеромъ Матвѣемъ Платовымъ“. Не смотря на согласіе Платова, Лазаревскому однакожъ почему то не удалось поступить въ эти „Чугуевскіе полки“, о составѣ которыхъ ничего не приходилось намъ встрѣчать. вмѣсто этой службы, Л—ій попалъ въ лѣсничіе Екатеринославскаго намѣстничества, гдѣ въ это время служилъ „казенныхъ лѣсовъ вах-

мейстромъ“ землякъ Л—аго конотопецъ корнетъ Яковъ Гацукъ. Вѣроятно, съ его помощью Л—ій и устроился „надзирателемъ состоящихъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ трехъ казенныхъ лѣсныхъ буераковъ“. На этомъ мѣстѣ видимъ Л—аго уже въ іюнѣ 1795 г.; тут Л—ій прослужилъ до конца 1796 г., и между прочимъ пробовалъ, какъ видно изъ бумагъ, заняться поставкою въ Таганрогъ каменнаго угля, который онъ гдѣ то здѣсь отыскалъ. Объ этомъ сохранились слѣдующія бумажки. 1) Объявленіе изъ конторы Таганрогскаго порта значковому товарищу Лазаревскому. На прошеніе ваше относительно представляемаго вами усердія на исклываніе отысканнаго землянаго угля и доставленіе онаго въ портъ Таганърогскій, контора Таганърогскаго порта опредѣли: дать вамъ симъ знать, что его вскпр— во г. предсѣдательствующій въ государственномъ Черноморскомъ адмиралтейскомъ правленіи вице-адмиралъ и разн. орден. кавалеръ Николай Семѣновичъ Мордвиновъ предписываетъ сыскать фурщикова сухопутно возить уголье прямо съ мѣстъ гдѣ заготавливается въ место Таганрога—въ Кичкасы, ниже Днѣпровскихъ пороговъ за такую цѣну, которая бы не превышала, или по крайней мѣрѣ весьма малую имѣла разность противъ той, во что обходится доставка до Таганърога. На основаніи сего истребовать отъ васъ свѣденіе—отысканной уголь по выготовленіи согласны-ль вы доставлять прямо въ Кичкасы, за такую цѣну, которая бъ не превышала или по крайней мѣрѣ весьма малую имѣла разность противъ той, во что обходится доставка до Таганърога, и прислать оное нѣ помедливъ въ контору. Іюня 2 дня, 1796 г. Никита Баскаковъ. 2) М. г. Илья Степановичъ. Изъ объявленія конторы усмотрите вы требуемое отъ васъ свѣдѣніе въ разсужденіи землянаго угля. Я бы далъ вамъ знать о ценѣ какую соглашаются взять, но нѣ имѣю извѣстія отъ г. Лебединскаго, который ради сей надобности посланъ въ Бахмутскій, Донѣцкій и Славянскій уѣзды; итакъ цѣну остаѣтся вамъ назначить какую сами разсудить, но нѣ помешкайте успѣть, чтобъ нѣупустить нарочнаго въ Николаевъ слѣдующаго. Подателю сего Антону Даниловичу въ скорѣйшей сюда перѣвозкѣ дровъ и угля всепокорнѣйше прошу здѣлать возможныя вами пособія; а ради лучшаго въ сѣмъ делѣ успѣха отъ конторы отряженъ нарочный сержантъ. Выпрочемъ честь имею быть съ почтеніемъ и преданностію, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Кузма... 3 іюля, 1796 г. Таганърогъ. 3) Ордеръ порутчику Лебединскому. Обысканный значковымъ товарищемъ г. Лазаревскимъ каменный уголь, который вы уже свидѣтельствовали, въ сходство вашего донесенія для удобнейшаго о немъ узнанія толщины въ гору слоя, предписываю раскрыть и для сего изъ вверенныхъ вамъ служителей съ подлежащими инструментами послать туда сколько вы за нужно найдѣте, произведя сіе подъ собственнымъ вашимъ наблюдениемъ; сію же работу отправлять удобнѣе по правилу горному или на такомъ положеніи какъ прежде въ Платовой было, мне рапортовать, при чемъ и на пробу прислать угля несколько кусковъ лучшаго качества, донося о успехе работы чрезъ каждыя седмъ дней, неупу-

ская изъ виду поспѣшнейшаго заготовленія такого угля и въ Платовой. Октября 2 дня, 1766 г“. (Безъ подписи).

Но ни лѣсничество, ни промыселъ каменнымъ углемъ Ильѣ Лазаревскому не удалось, такъ какъ въ концѣ 1796 г. онъ взялъ тремѣсячный отпускъ отъ „помощника директора домоводства надворнаго совѣтника Григорія Коваленскаго“ и затѣмъ въ Мариуполь не возвратился. При этомъ Лазаревскій кажется имѣлъ въ виду устроиться дома. Известно что по смерти императрицы Екатерины II императоръ Павелъ упразднилъ въ Малороссіи намѣстничества, взамѣнъ коихъ была открыта Малороссійская губернія. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданы были 6 февраля 1797 г. указы, которыми возобновлялись нѣкоторыя прежнія малороссійскія судебныя учрежденія. Для замѣщенія должностей въ этихъ учрежденіяхъ по конотопскому повѣту 15 апрѣля 1797 г. произведены были выборы конотопскими дворянами между прочимъ чиновъ и въ мѣстный подкоморскій (т. е. межевой) судъ. Чины послѣдняго составляли: подкоморій—предсѣдательствовавшій въ судѣ, коморникъ—членъ суда и—возный, обязанности котораго заключались въ исполненіи разныхъ порученій суда по жалобамъ на порчу межъ, обереганіе которыхъ составляло главный предметъ дѣятельности подкоморскихъ судовъ. На этихъ выборахъ были избраны: подкоморіемъ—секундъ-майоръ Григорій Миницкій, коморникомъ—поручикъ Власъ Овсѣико-Берковъ и вознымъ—Илья Лазаревскій. Выборы послѣдняго состоялись при помощи двухъ его сосѣдей пріятелей, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ нему, написаннаго на другой день выборовъ, т. е. 16 апрѣля, тоже сосѣдомъ Лазаревскаго—Ларіономъ Игнатенкомъ. „М. г. Илья Степановичъ. Во удовольствие ваше вы обществомъ дворянства посредствомъ добрыхъ людей въ возные выбраны, но въ подкоморскій судъ гдѣ уповаю для васъ гораздо и гораздо лучше, поелику и выгоду тамъ будете имѣть. Признательно вамъ скажу, что Степанъ Кирилловичъ и Михайло Семеновичъ усердно для васъ старались; но и Степанъ К—чъ выбранъ кандидатомъ первымъ въ коморники“... Мы уже видѣли, что при составленіи списка о дворянствѣ Степана Лазаревскаго съ сыновьями, было сказано, что крестьянъ у Степана—двѣ души, а у сыновей его Тимофея и Андрея—по одной; значитъ, у Ильи въ это время крестьянъ не было. Но въ 1800 г., 11 іюля, имъ была подана „сказка“ о прописанныхъ по ревизіи 1795 года, въ хуторѣ его, при с. Гутахъ, состоящихъ муж. и женск. пола душахъ“, при чемъ въ этой сказкѣ записанъ Тимофей Терентьевъ Братаха и жена его Домникія. Откуда взялся этотъ крестьянинъ видно изъ выданнаго въ 1800 г. атаманомъ с. Добротова слѣдующаго свидѣтельства. „1800 г., іюля 5 дня. Отъ насъ ниже подписавшихся повѣта Глуховскаго с. Добротова, отъ атамана съ козаками дано сіе свидѣтельство жителствовавшему въ с. Добротовѣ козачего званія Тимофѣю Терентіеву сину Братахи, въ томъ, что будетъ тому назадъ лѣтъ до тридцяти, какъ онъ Братаха зашедши въ с. Добротовъ жилъ въ ономъ по разнымъ людямъ чесно, не имѣлъ никакихъ пороковъ, а во время ревизіи 1782 года сочиненной,

поелику онъ Братаха находился здесь безъпомѣстнимъ и имѣлъ частіе изъ с. Добротова въ разніе мѣста отлучки, то потому онъ Братаха по той, равно и по послѣдней 1795 г. сочиненной, въ семь селѣ — ни въ числѣ козаковъ и незакимъ записанимъ и ни въ какомъ окладѣ не состоитъ; а затѣмъ и казеннихъ начетовъ на немъ, такъ равно какъ и партикулярнихъ, не имѣется. По каковымъ обстоятельствамъ волно ему, Братахи, такъ какъ онъ человекъ свободной и нѣгде въ ревизияхъ и въ окладахъ не состоитъ, где пожелаетъ, по нинѣшнему о обойденнихъ людяхъ объревизованію, записатся, въ чемъ симъ свидѣтельствуемъ с. Добротова козачій атаманъ Исидоръ Лещенко и козаки того жъ села: Данило Кужѣлка, Устимъ Пилтяй, Никита Кошовецъ, Евтихій Паламаренко, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ, по ихъ персональному прошенію и за себя, руку приложилъ дворянинъ Макарій Головня-Булаховъ“. Какъ видно, Илья Л—ій встрѣтилъ шатавшася по сосѣдству добротовскаго козака Братаху и убѣдилъ его — пристать къ нему на хуторъ въ качествѣ конечно подсосѣдка, а когда Братаха согласился, то Л—ій поспѣшилъ подать о немъ „ревизскую сказку“, которою Братаха закрѣпошался навсегда.. Но Л—ій не былъ увѣренъ, что Братаха не броситъ его, какъ видно бросилъ онъ передъ тѣмъ многихъ своихъ „пановъ“, и потому, съ перваго дня его поселенія, сталъ вести подробный счетъ своихъ издержекъ на этого крестьянина, конечно на случай его ухода¹⁾.

Изъ возныхъ Илья Л—ій былъ выбранъ, въ 1800 г., коморникомъ и на этой должности въ 1804 г. произведенъ въ чинъ коллежск. регистратора. Коморникомъ оставался Л—ій шесть лѣтъ. Во время службы коморникомъ Л—ій не разъ получалъ отъ Конотопскаго подкоморскаго суда „указы“ объ исправленіи межевыхъ границъ; такъ напр. въ указѣ „изъ Конотопскаго подкоморскаго суда г. коморнику сего повѣта Лазаревскому“, 1801 г., читаемъ: „Конотопскій подкоморскій судъ слушавъ прошеніе козака понорского Семена Мицика, которимъ пояснилъ — сего де года, предъ праздникомъ Сошествія св. духа козакъ житель с. Поноръ Яковъ Голубъ при выорании, на засѣвъ гречи пахатнаго поля

¹⁾ Счетъ этихъ издержекъ представляетъ любопытный бытовой документъ, почему он и приводится здѣсь. „1880 года, июня 11 дня Ты жь Братаха начал у меня жить от подачи объ немъ сказки, то есть отъ висшеписаннаго числа, а издержано на него денег: когда справку въ Добротовѣ объ немъ забиралъ — 1 р.; за подводу и за труды надобно положить по крайности — 1 р.; взялъ готовихъ денегъ выкупить увъ Ивановича кожухъ — 2 р.; да на покупку въ Бочкахъ полотна, котораго не купилъ, а пропилъ — 50 коп.; объ Успѣнии на ярмарокъ — 5 р.; на покупку юфтовихъ въ городѣ (Конотопѣ) новихъ сапоговъ у Якименка, взялъ — 1 р. 40 к.; за направку кожуха кушнеру — 60 к.; узялъ племяннику на дорогу 10 к. и секиру выкупить — 30 к.; всего 40 к. Когда въ меня началъ жить, то поденщикомъ работалъ у Левченковой, сѣно поралъ и плѣвъ дней три, гречку косилъ дней два, у взулитокъ (лѣтомъ) жаль и косилъ дней два; у Степана Пріймакова дней четыре, Якѣменку косилъ одинъ день гречку, у городъ ходилъ въ пятокъ, за сапогами, одинъ день, упивався изъ Обертанкою [фамилія], когда свиту Баданѣвнѣ заставилъ — одинъ день, у гостѣ ходилъ у Добротовъ, съ племѣницею, якъ сокири у Люботовъ относилъ стальть, забарилъ дней три. Отъ того ноября по 18-е число, когда началъ въ винокурнѣ курить, виработалъ въ винокурнѣ восьмъ кадокъ въ половиною, отработалъ

своей нивы... всмѣжности съ его Мицика нивою жъ возлѣ конца его жъ нивы на зворотахъ, гвалтовно и самоправно съораль межевой предковѣчной, облоговой, затвердѣлой обнѣжокъ къ своей нивѣ, съ таковымъ умисломъ, чтобъ по его упрямости, въ прибавку къ его жъ нивѣ изъ просителевой ежегодно по части прихвачивать, каковымъ изъораніемъ граничного предковѣчного и некогда неораного обнѣжка, онъ причинилъ просителю гвалтъ и обиду... И тѣмъ прошеніемъ козакъ Мицикъ суда подкоморского просилъ поступленія въ томъ по законамъ. **О п р е д ѣ л и л и:** Къ поновленію межи и гранѣ на козака Семена Мецика землѣ, на основаніи права книги статуть, раздѣла 9-го, въ артикулѣ 18-мъ узаконенного, опредѣлить отъ сего суда васъ и давъ вамъ сей указъ, велѣтъ, дабы вы съѣхали на ту землю и поступили по вышеписанному закону и для уписанія поновленныхъ знаковъ въ книги сему суду рапортомъ сознали, а чтобы и обжалованній козакъ Голубъ при семъ случаи на той землѣ былъ, о томъ ему, чрезъ возного суда подкоморского Бѣлецкого, отпустить повѣстку, на которой къ явки его назначить срокъ слѣдующаго іюля на 23 число“. Служба въ подкоморскомъ судѣ не отнимала у Л—аго много времени, что видно между прочимъ изъ того, что въ 1804 г. Л—ій согласился принять на себя обязанности „управителя“ имѣніями одного изъ богатыхъ конотопскихъ помѣщиковъ, при чемъ, для управленія, Лазаревскому дана была очень интересная инструкція ¹⁾. Прослуживъ два трехлѣтія коморникомъ, Л-евскій былъ выбранъ въ эту должность и третье трехлѣтіе, причемъ получилъ отъ нововыбраннаго подкоморія Скаловскаго слѣдующее письмо: „М. Г. мой Илья Степановичъ! Избранъ будучи на сіе трехлѣтіе Конотопского повѣта въ подкоморія, приглашаю, м. г. мой, усерднѣйше раздѣлить со мною сію должность въ званіи коморника. Станетъ что я вамъ незнакомъ и по слухамъ, но ежели возьмете трудъ разспросить и повидаться, льщусь, что не откажете въ столь искренно искаемомъ мною удовольствіи. Въ надѣяніи сего остаюсь и съ почтеніемъ, и съ нетерпѣніемъ васъ видѣтъ и всячески доказывать, что найдете всегда доброжелательнымъ и вамъ

за всякую кадку по 20 к. всего 1 р. 70 к., а когда его Яковъ смѣнили, то уже въ меня не сталъ жить. Пришолъ опять отъ Престола въ винокурню 4 числа марта, виробилъ кадок „ „; а когда на страстной неделѣ говѣлъ, перемѣнилъ его Лѣверъ. Прошлое все лѣто робилъ въ Дептовки на украинной работѣ, а пришолъ ко мнѣ. Заплачено за его подушнихъ первоначально за полтора года, за всякой полгода по 64 к., а всего 1 р. 92 к.; почтовикъ за полтора года 12 к. данно шевцю за подставку подошвъ — 10 к.; да за подошви мои — 10 к. всего 20 к.; на говѣне на страстной седмицѣ — 10 к.; якъ кобилу у Гаранка купилъ, онъ поставилъ полкварти — 6 к.; бабѣ Левчисѣ купилъ четвертку горѣлки, якъ дв...дала — 3 к.; якъ ихавъ къ Тройцѣ въ Жолдаки, узялъ 20 к.; на пушення, якъ на Петровку заговляли, кварту горѣлки — 12 к.; недовезлъ изъ Никоновки борошна 2 пуда и 10 фунт., за оное — 65 к.; въ Деймановки купилъ ему свиту за 2 р. 50 к.; на торгъ ему далъ, на шаравари и на черевики, 1 р. 50 к., за 181 [т. е. 1801] годъ подушного — 1 р. 28 к.; за первую половину сего 1802 года подушного — 64 к.; въ постъ на говене сего жъ года — 10 к.; итого іюня по первое число 1802 года, — 21 р. 42 к.

¹⁾ Инструкція была полностью напечатана въ Записк. Черниг. Стат. Комит., II, 233—289.

покорнымъ слугою Карпа Скаловскаго“. Но Л-ій, отвѣчалъ, что далѣе служить онъ не желаетъ. Оставилъ службу Л-ій какъ кажется по нездоровью. Въ томъ же 1806 г. онъ и умеръ, какъ видно изъ слѣд. замѣтки его единственнаго сына. „Повѣта Конотопскаго дворянинъ коллежскій регистраторъ Илья Степановичъ сынъ Лазаревскій родился въ 1758 году, а умеръ 1806 года, декабря 11 дня, въ 7 часу пополудни, поживе лѣтъ 48. В статскую его импер. велич. службу вступилъ въ 1770 г. и продолжалъ, въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ должностяхъ, по 30-е число генваря 1806 года, а сего числа уволился отъ должности коморника повѣта Конотопскаго, въ якой должности служилъ съ 1797 г.“ Вдова Ильи Степановича Ксенія Степановна переѣхала въ с. Гирявку къ сыну, который сюда переселился въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Здѣсь въ Гирявкѣ Ксенія Степановна и умерла, ок. 1840 г., ¹⁾ и похоронена на Гирявскомъ кладбищѣ. Единственный сынъ Ильи Лазаревскаго, Матвѣй оставилъ свои воспоминанія, въ которыхъ отчасти разсказана и его жизнь.

¹⁾ А саме: 1839 р. 20. XI. *Прим. ред.*